

am. umbrenia

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

КОРІЗАРЬ

З ДОДАТКОМ

СПОМИНОК ПРО ШЕВЧЕНКА

КОСТОМАРОВА І МИКЪШИНА.

2.

І день іде, і ніч іде . . .
І голову схопивши в руки,
Дивується, чому не йде
Апостол правди і науки?!

У ПРАЗІ.

Nakladem knihkupectví dra Grégra a Ferd. Dattla.

1876.

1876

Друкарня Др. Ед. Грегга.

ОД ВИДАВНИЦТВА.

Шевченко — один з тих писателів, муза котрого, одкликаючись на либеральні, а иноді й радикальні ідеї нашого віку, дуже не подобалась російській цензурі, через що де-які утвори ёго ще й досі не були друковані у Росії, або виходили у світ з пропусками і змінами тексту. Приймаючись за наше видання, ми мали на меті зробити ёго як найповнішим. За для того, ми зібрали увесь скарб Шевченкової української поезії і, назвавши ёго так само, як називав більшу частину ёго сам поет — «Кобзарем», розклали ёго у хронологичному порядку і поділили на два тома: у Iу томі ми помістили усе, що видавалося й до сёго часу у Росії без одмін; у цей же, другий том ми однесли усі ті пієси, яких або зовсім не було у підцензурних російських виданнях, або які були в їх попсовані цензорами.

Звісно, що за часи життя Шевченка (як і тепер ще инколи) ёго думки і поеми, не маючи доступу до друку, списувалися у великому числі примірників і в таких списках розходилися межи читателями. Через це виходило иноді, що зовсім не ёго утвори приписувалися ёго перу, як напр. пісьня: «Ще не вмерла Україна», увійшовшая у I. том Львівського видання ёго поезій (стр. 65—66); инші пієси ёго, зіставшася у різних

рукописах, або й дрюковані з різних рукописів, через те мають часто великі одміни одна од другої чи тільки у поодиноких словах, чи й у цілих частинах цих піес. Правда, що й сам Шевченко любив перероблять і справлять свої вірші, що найкраще видно напр. з двох редакцій «Москалевої криниці», з котрих одна, вже дрюкована, поміщена у нас у I^{му} т., а друга, з його власного рукопису, — у II^{му} т. Але де-які одміни, як напр. »З двадцятотою« — »З двадцятотою« (II. стр. 16), — ясно, що пішли од помилок переписчиків. Усе ж таки, порівнюючи писаний і дрюкований матеріал, який був у нас в руках, ми дали місто середь варьянтів не тільки одминам, котрі зроблені були власною рукою Шевченка, а і усіляким иншим, за котрі навіть не беремо на себе відповіді. Ми маємо надію, що як ті, так і другі можуть колись здатися критикові Шевченка. Варьянти ці, як бачить шановний читатель, робили ми і з дрюкованого »Кобзаря« різних років (1844, 1860, 1866, 1867), і з маленьких метеликів, у котрих були видані особо де-які поеми або думки Шевченка, і накінець з різних засланих до нас рукописів, межі котрими було кілька піес, досі ще не бувавших у дрюку. Межі остатніми, найбільш віри ми дали або власним автографам Шевченка, або таким спискам сторонніх людей, котрі він справляв своєю рукою в де-яких містах; що ж до тих списків, що дійшли до нас через людей, знавших нашого автора, як напр. »Полуботко« (стр. 76), »В Альбом«, »Гарно твоя кобза грає« (стр. 73), то хоч ми їх і помістили у цей том, але були б дуже раді почути слово критики од людей, більше нас компетентних у цьому ділі. Про усі остатні піеси ми можемо запевнити читателя, що вони писані самим Шевченком.

Бажаючи подати нашим читателям окрім утворів

Шевченка ще й такі звістки про ёго талан і долю, котрі не переказували б тільки вже звістних случаїв з ёго життя, а могли б більш або менш служити коментарієм до нашої книжки, — ми оберталися до літераторів і чи-мало яких других лиць, знавших Шевченка. На ці наші прохання надіслали нам споминки про ёго тільки писателі И. Тургенев, Я. Полонскій, історік Н. Костомаров і художник М. Микѣшин.

Щиро дякуючи їм за такі вклади до нашої книжки, скажемо ще велике спасибі й усім тим, хто доставив нам рукописі Шевченка, через що тільки наше видання й могло стати повнійшим од других, досі надрюкованих.

Ред.

СПОМИНКИ ПРО ШЕВЧЕНКА

Н. Костомарова.

Милостивый Государь!

Хотя многое соединяло меня въ судьбѣ съ Шевченкоу, но я не могу похвалиться особенною съ нимъ близостию, такъ что въ этомъ отношеніи мнѣ извѣстны были лица, болѣе съ нимъ связанныя душевными узами, чѣмъ я, и болѣе меня знавшія особенности его жизни. Отъ себя передамъ лишь слѣдующія данныя.

Съ Шевченкоу лично познакомился я въ Маѣ 1846 года въ Кіевѣ и видался съ нимъ до Генваря 1847 г., когда онъ выѣхалъ въ Черниговскую губернію къ своимъ знакомымъ. Тогда я читалъ въ рукописи многія изъ его произведеній, изъ которыхъ инымъ суждено было явиться въ печати поздно, какъ напр. »Наймичка,« »Черница Марьяна« и пр., а другимъ не суждено было и до сихъ поръ у насъ показаться на свѣтъ. То было время самаго крайняго развитія поэтическаго таланта Шевченка, апогей его дарованій и дѣятельности. Самъ поэтъ былъ тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (около 35); горячо любилъ онъ малорусскую народность, но болѣе всего сочувствовалъ судьбѣ простаго народа, и любимымъ его помышленіемъ была свобода этого народа отъ помѣщичьяго гнета. Всѣ знали, что онъ самъ происходилъ изъ этого порабощеннаго

народа, но отъ Шевченка трудно было добиться воспоминаній о его дѣтствѣ, проведенномъ среди поселянъ. Онъ ни предъ кѣмъ не стыдился своего происхожденія, но не любилъ много говорить о немъ, и многое, что онъ высказывалъ, излагалось всегда съ недомолвками; такъ напр. онъ рассказывалъ, какъ онъ былъ въ Варшавѣ, въ эпоху возстанія въ 1830 году, и какъ революціонное правительство выпроводило его съ другими русскими, давши ему денегъ тогдашними революціонными ассигнаціями; но по какому поводу попалъ онъ въ Варшаву, — этого онъ не сообщалъ; равнымъ образомъ не слыхалъ я отъ него подробностей, какииъ образомъ онъ очутился послѣ того въ Академіи Художествъ. Обстоятельства его освобожденія изъ крѣпостной зависимости также не передавались мнѣ. Однажды я спросилъ у него: справедливъ ли ходившій объ немъ анекдотъ, будто какой-то знатный баринъ нанялъ его нарисовать свой портретъ, и когда, послѣ того, нарисованный портретъ ему не понравился, Шевченко перемѣнилъ на портретъ костюмъ и продалъ его въ цирюльню на вывѣску; что баринъ, узнавши объ этомъ, обратился къ владѣльцу Шевченка, находившемуся въ то время въ Петербургѣ и купилъ Шевченка за большія деньги. Шевченко объявилъ мнѣ, что ничего подобнаго не было и что это старый, избитый анекдотъ, давно уже ходившій въ публикѣ и кѣмъ-то принаровленный къ нему, Шевченку, совершенно произвольно. — Онъ почему-то считалъ въ дѣлѣ своего освобожденія своими благодѣтелями Брюлова и поэта Жуковского; послѣдняго, однако, онъ не очень цѣнилъ за духъ многихъ его произведеній. Не смотря на горячую преданность народу, у Шевченка въ бесѣдахъ со мною невидно было той злобы къ утѣснителямъ, которая не разъ выражалась въ его

произведеніяхъ; напротивъ онъ дышалъ любовью, желаніемъ примиренія всякихъ національныхъ и соціальныхъ недоразумѣній, мечталъ о всеобщей свободѣ и братствѣ всѣхъ народовъ. Недостатокъ образованія часто проглядывалъ въ немъ, но дополнялся всегда свѣжимъ и богатымъ природнымъ умомъ, такъ что бесѣда съ Шевченкомъ никогда не могла навести скуки и была необыкновенно пріятна: онъ умѣлъ кстати шутить, острить, потѣшать собесѣдниковъ веселыми разсказами и никогда почти въ обществѣ знакомыхъ не проявлялъ того меланхолическаго свойства, которымъ проникнуты многія изъ его стихотвореній. Съ отъѣзда его изъ Кіева въ Генварѣ 1847 г. я разлучился съ нимъ надолго. Только мелькомъ случилось мнѣ увидѣть его въ Петербургѣ въ томъ же году и услышать прощальное слово, полное вѣстѣ съ тѣмъ надеждъ на лучшую долю: »Не журись, Миколо,« сказалъ онъ мнѣ: »ще колись житимемо у купі.« Въ тотъ же годъ его отправили въ ссылку. Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ о немъ ничего до 1857 года. Въ этотъ годъ осенью, воротившись изъ путешествія за границу, я узналъ, что Шевченко заѣзжалъ ко мнѣ въ Саратовъ, возвращаясь по Волгѣ на свободу изъ Петровскаго укрѣпленія, въ которомъ, въ послѣдніе передъ тѣмъ годы, служилъ рядовымъ. Потомъ услышалъ я, что онъ не получилъ дозволенія жить въ Петербургѣ и потому прожилъ зиму въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ, какъ разсказывали, чуть было не женился на какой-то актрисѣ. Лѣтомъ 1858 года, будучи въ Петербургѣ, я отыскалъ Шевченка и увидѣлъ его первый разъ послѣ долговременной разлуки. Я нашелъ его въ Академіи Художествъ, гдѣ ему дали мастерскую. Тарасъ Григорьевичъ не узналъ меня и, оглядывая меня съ головы до ногъ, пожималъ плечами и

рѣшительно сказалъ, что не можетъ догадаться и назвать по имени того, кого передъ собою видитъ. Когда же я назвалъ свою фамилію, онъ бросился ко мнѣ на шею и долго плакалъ.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе мѣсяца, мы съ нимъ видѣлись нѣсколько разъ, сходясь въ рестораціи, такъ какъ я тогда усиленно занимался въ Публичной Библіотекѣ и не имѣлъ времени ни на какія догворременныя бесѣды и развлеченія. И теперь Шевченко, какъ прежде, не любилъ рассказывать подробностей о своемъ заточеніи; я узналъ отъ него только, что въ началѣ ему было хорошо; потомъ какой-то начальникъ, дослужившійся до офицерскихъ чиновъ изъ рядовыхъ, началъ его стѣснять; но въ концѣ судьба его снова облегчилась: онъ былъ переведенъ въ Петровское укрѣпленіе, гдѣ комендантъ былъ къ нему ласковъ, допускалъ его къ себѣ въ домъ и вообще обращался съ нимъ гуманно. Своимъ освобожденіемъ онъ считалъ себя обязаннымъ ходатайству бывшаго тогда вице-президентомъ Академіи Художествъ Графа Федора Петровича Толстого и отзывался о немъ и о его семействѣ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ и любовью. Черезъ мѣсяцъ я разлучился съ Шевченко, уѣхавши въ Саратовъ, куда приглашенъ былъ въ комитетъ по устройству крестьянъ, а вернувшись въ Петербургъ весною 1859 г. я не засталъ уже тамъ Шевченка: онъ былъ отпущенъ временно на родину и вернулся въ тотъ же годъ позднею осенью, когда я занялъ кафедру въ Петербургскомъ университетѣ. Цѣлый годъ квартировалъ я въ гостинницѣ Балабина, близъ Публичной Библіотеки. Шевченко изрѣдка приходилъ ко мнѣ; кромѣ того мы часто встрѣчались съ нимъ въ домѣ графа Толстого, его покровителя. Такъ прошла зима и весна 1860 года. Лѣтомъ въ этотъ годъ

я перешелъ на квартиру на Васильевскій Островъ и былъ почти сосѣдомъ Шевченка, жившаго постоянно въ Академіи Художествъ, въ своей мастерской, гдѣ онъ занимался гравернымъ искусствомъ »eau forte.« Своихъ стиховъ онъ почти никогда не читалъ мнѣ и неохотно отвѣчалъ на мои вопросы о томъ, что онъ пишетъ. Также точно разнеслась вѣсть о томъ, что во время поѣздки его въ Малороссію въ послѣднее время, съ нимъ случилась какая-то непріятная исторія, приведшая его до щекотливыхъ объясненій съ властями. Я спрашивалъ его объ этомъ и не получилъ отъ него никакого удовлетворительнаго отвѣта. Осенью 1860 года между знакомыми нашими разнесся слухъ, что Шевченко собирается жениться на одной малороссіянкѣ изъ простонародья, находившейся въ услуженіи у барыни, жившей въ Петербургѣ. На вопросъ мой объ этомъ, Шевченко отвѣчалъ утвердительно, но видимо не хотѣлъ вдаваться въ разсужденіе объ этомъ предметѣ, и я, замѣтивши его нежеланіе, не сталъ болѣе толковать объ этомъ. Спустя немного времени, встрѣтивши его въ театрѣ, я спросилъ его: »ну, Тарасе, коли жъ твое весілля?« Онъ отвѣчалъ: »тоді, ма-буть, коли твое; не жениться намъ з тобою: зостанемося до смерті бурлаками!« Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что Тарасъ не поладилъ съ своею невѣстою, нашелъ въ ней мало той поэзіи, какую рисовало ему воображеніе и натолкнулся на прозаичную дѣйствительность, показавшуюся ему пошlostью. Вскорѣ я услышалъ, что Шевченко заболѣлъ и что болѣзнь его приписывали употребленію горячихъ напитковъ. Объ этомъ уже давно говорили и съ сожалѣніемъ называли его пьяницею; но я никогда не видалъ его пьянымъ, а замѣчалъ только, что когда подадутъ ему чай, то онъ наливалъ такую массу рому,

что всякій другой, казалось, не устоялъ бы на ногахъ. Онъ же никогда не доходилъ до состоянія пьянаго. Въ послѣднее время мы съ нимъ видѣлись не такъ часто, не болѣе одного, или двухъ разъ въ недѣлю, потому что я былъ слишкомъ занятъ чтеніемъ и приготовленіемъ университетскихъ лекцій. Узнавши, что Шевченко болѣетъ, я посѣтилъ его два раза и во второй разъ въ Февралѣ, за нѣсколько дней до его кончины, услышалъ отъ него, что онъ теперь совсѣмъ выздоровѣлъ: при этомъ онъ показывалъ мнѣ купленные имъ на дняхъ золотые часы, первые, какіе онъ имѣлъ въ своей жизни. Онъ обѣщалъ быть у меня вскорѣ. 25го Февраля утромъ ко мнѣ пришелъ не помню кто изъ знакомыхъ съ извѣстіемъ, что Шевченко утромъ внезапно умеръ. Онъ приказалъ служившему у него солдату поставить ему самоваръ и спу-скался по лѣстницѣ изъ своей спальни, находившейся надъ мастерскою; на послѣдней ступени онъ упалъ головою внизъ; солдатъ бросился къ нему, — Шевченко былъ безъ дыханія. Въ тотъ же вечеръ я прибылъ въ академическую церковь. Тѣло поэта лежало уже во гробѣ; надъ нимъ псаломщикъ читалъ псалтырь.

Его погребеніе происходило на Смоленскомъ кладбищѣ, во вторникъ на масляницѣ. Надъ гробомъ его въ церкви до выноса на кладбище, говорились надгробныя рѣчи по-малорусски, по-русски и по-польски. Стенненіе публики было очень большое. Гробъ усопшаго поэта несли студенты. Послѣ погребенія тотчасъ же, земляки Шевченка, жившіе въ столицѣ Малоруссы, учили 'совѣтъ о томъ, чтобы ходатайствовать передъ правительствомъ о дозволеніи перевезти прахъ Шевченка въ Малороссію и похоронить надъ Днѣпромъ, на холмѣ, какъ завѣщалъ самъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

ХІІ

Вотъ все, что я могу сказать, вспоминая о своемъ знакомствѣ съ Шевченкоу. Какъ о поэтѣ я не стану здѣсь распространяться, потому что по этому предмету я высказалъ свой взглядъ въ статьѣ, напечатанной въ книгѣ г. Гербеля. Какъ о человѣкѣ могу сказать, что знаю его какъ личность безупречно-честную, глубоко любившую свой народъ и его языкъ, но безъ фанатической непріязни ко всему чужому.

5 Декабря 1875. С. Петербургъ.

Н. Костомаровъ.

СПОМИНКИ ПРО ШЕВЧЕНКА

М. Микешина.

Вы обратились ко мнѣ съ предложеніемъ сообщить Вамъ мои воспоминанія о знакомствѣ съ Т. Г. Шевченкомъ для приготовляемаго Вами собранія его сочиненій, что я и исполняю съ глубочайшимъ уваженіемъ къ памяти возлюбленнаго поэта.

Сознаюсь, незавидная роль досталась на мою долю въ отношеніяхъ съ Тарасомъ Григорьевичемъ; но и тою дозою пріязни, которую онъ проявлялъ ко мнѣ, я внутренно гордился. Его уваженіе мнѣ, двадцатилѣтнему юношѣ, пріобрѣсти было рано; любви-же . . . но вся его страстная и могучая любовь — до того была сосредоточена на своей родине Украинѣ, что мнѣ кажется, въ его горячемъ сердцѣ и не оставалось болѣе ни къ чему любовнаго запаса, а если и оставалось, то онъ ревниво сберегалъ его для своихъ-же украинскихъ боговъ.

Эта цѣльность и недѣлимость патріотизма, часто несправедливая, но искренняя и глубокая, составляла въ немъ черту, возбуждавшую въ моемъ юномъ сердцѣ не только удивленіе, но и зависть. Не надо забывать, что это было въ концѣ 50^{ыхъ} годовъ, когда все и всѣ, отъ мала до велика, отъ университетской кафедры, до болтовни и лепета недоучившейся гимназической молодежи, на всѣ лады тянуло гражданскія пѣсни либерализма.

Диссонансы слышались со всѣхъ сторонъ. Страшная фальшь безголосыхъ запѣвалъ, подирая трезвое ухо, царила повсюду . . . Вотъ въ этомъ-то нескладномъ хорѣ свѣтлая личность Тараса Григорьевича, съ его беззавѣтною любовью къ народу, къ своей родинѣ, сохранившая свято эти высокія чувства подъ безконечнымъ гнетомъ всякихъ нравственныхъ униженій, которыми такъ богата была его жизнь, не могла не внушать къ себѣ горячаго сочувствія людей, знавшихъ его не за однимъ лишь хитлымъ столомъ. Этимъ и объясняется то огромное вліяніе, тотъ неподдѣльный восторгъ, которые внушала личность Шевченка въ кругу тогдашней молодежи. Лично для меня, онъ представлялъ сугубый интересъ тѣмъ, что въ этой непосредственной и простой натурѣ впервые явился предомною столь рѣдкій и цѣльный типъ чисто-народнаго поэта, равнаго которому ни до него, ни послѣ него и до настоящаго времени, я лично не зналъ — не только въ общерусской, — но и вообще въ славянской расѣ народовъ!

Можетъ быть многіе въ этомъ моемъ мнѣніи заподозрятъ преувеличеніе или пристрастіе; но говоря отъ чистаго сердца, я долженъ признаться, что ничья народная лира нашихъ славянскихъ поэтовъ не дѣлала на меня такого глубокаго и хорошаго впечатлѣнія, какъ произведенія Шевченка и Мицкевича (о послѣднемъ я говорю конечно лишь въ отношеніи къ его народнымъ произведеніямъ).

Еще до появленія Тараса Григорьевича изъ ссылки на паркетахъ петербургскихъ гостинныхъ, я уже достойно чтить его по нѣкоторымъ отрывкамъ его произведеній, въ спискахъ ходившихъ по рукамъ молодежи; такъ что съ момента первой встрѣчи нашей въ семействѣ бывшаго президента Академіи Художествъ Графа Федора Петровича